

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
УРАЛЬСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
КОМИ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР

ВОСЬМОЙ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ
КОНГРЕСС
ФИННО-УГРОВЕДОВ

НАУЧНЫЕ ДОКЛАДЫ

Г.А.Некрасова

ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ
РАЗВИТИЕ
ПРИСУБСТАНТИВНОГО
ГЕНИТИВА
В ФИННО-ПЕРМСКИХ
ЯЗЫКАХ

СЫКТЫВКАР 1995

Российская академия наук
Уральское отделение
Коми научный центр

Научные доклады
Выпуск 363

Г.А.Некрасова

ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ ПРИСУБСТАНТИВНОГО ГЕНИТИВА В ФИННО-ПЕРМСКИХ ЯЗЫКАХ

Доклад на заседании президиума
Коми научного центра УрО
Российской академии наук

(К VIII Международному конгрессу
финно-угроведов, 7)

Сыктывкар 1995

Die Akademie der Wissenschaften Rußlands
Uraler Abteilung
Komi Forschungszentrum

Preprintsserie "Wissenschaftliche Berichte"
Heft 363

G.A.Nekrassova

DIE FUNKTIONELLE ENTWICKLUNG DES ATTRIBUT-GENITIVS IN DEN FINNISCH-PERMISCHEN SPRACHEN

Bericht in der Sitzung des Präsidiums
des Komi Forschungszentrums
der Uraler Abteilung der AdW Rußlands

(Zum VIII. Internationalen
Finnougristenkongreß, 7)

Syktyvkar 1995

Г.А.Некрасова. Функциональное развитие присубстантивного генитива в финно-пермских языках. - Сыктывкар, 1995.- 24 с. (Научные доклады / Коми научный центр УрО Российской академии наук; Вып. 363).

В работе рассматривается семантика присубстантивного генитива в прибалтийско-финских, мордовских, марийском и пермских языках. Отмечается, что в большинстве языков генитив реализует различные посессивные и относительные значения. Общая тенденция развития семантики генитива характеризуется как выражение посессивности → относительности → качественности.

G.A.Nekrassova. Die funktionelle Entwicklung des Attribut-Genitivs in den finnisch-permischen Sprachen. - Syktyvkar, 1995. - 24. S. (Wissenschaftliche Berichte / Komi Forschungszentrum der Uraler Abteilung der Akademie der Wissenschaften Russlands; Heft 363).

Im Beitrag wird die Semantik des Attribut-Genitivs in den ostseefinnischen, den mordwinischen, der marischen und den permischen Sprachen betrachtet. Genitiv äußert verschiedene possessive und relative Bedeutungen in den meisten Sprachen. Die Tendenz der Entwicklung der Genitivsemantik wird als Äußerung der possessiven Bedeutung → der Relativität → der qualitativen Bedeutung charakterisiert.

Редакционная коллегия

М.П.Рощевский (отв.редактор), Н.И.Тимонин (зам.отв.редактора),
Э.Н.Новожилова (отв.секретарь), А.Е.Ванеев, В.А.Головко,
Н.А.Громов, В.А.Дедеев, А.В.Кучин, Н.А.Манов, В.Н.Лаженцев,
А.Д.Напалков, Ю.С.Оводов, Э.А.Савельева, А.Ф.Сметанин,
А.И.Таскаев, М.В.Фишман, Н.П.Юшкин

ВВЕДЕНИЕ

В финно-угорском языкознании объектом сравнительно-исторических исследований в грамматике является преимущественно морфологический уровень. При этом грамматические формы рассматриваются чаще в пределах парадигматических рядов и отношений. Однако современное состояние изученности финно-угорских языков позволяет проводить комплексные исследования, включающие диахронное и синхронное изучение как формы, так и содержания любого языкового элемента. Выявление источника грамматической формы и ее исторически первичного значения должно проводиться одновременно с детальным изучением семантической структуры формы в синхронии. Представляется необходимым также сопоставление семантических структур гомогенных, а возможно, и гетерогенных форм с идентичным первичным значением. Это позволит установить типологический характер семантического развития форм, а также проследить историческую выводимость одних значений из других и мотивированную связь значений грамматических форм.

Объектом данного исследования является присубстантивный генитив финно-пермских языков, а именно: прибалтийско-финских, мордовских, марийского и пермских языков. Отметим, что форма генитива в исследуемых языках восходит к разным источникам: в прибалтийско-финских: ф. -п: kaupungin 'города' (kaupunki 'город'), вп. -п: nadon 'золовки' (nado 'золовка'), кар. -п: hambahan 'зуба' (hammas 'зуб'), марийском (-п, -йп: олан 'города' (ола 'город'), мордовских (-п': кудонь 'дома' (кудо 'дом') языках - к финно-угорскому генитиву *-п, в пермских языках кз. -lep, удм. -lep: нывлӧн, нылтӧн 'девушки, у девушки' (нылв) ныл 'девушка') - к прапермскому адессиву с суффиксом *-lep [20, с.238; 22, с.149].

Целью данной работы является следующее: 1) уточнить первичное значение прафинно-угорского и прапермского присубстантивного генитивов; 2) сопоставить семантическую структуру присубстантивного генитива в современных финно-пермских языках; 3) выявить общий процесс функционального развития присубстантивного генитива.

ПЕРВИЧНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ПРИСУБСТАНТИВНОГО ГЕНИТИВА

Присубстантивный генитив во всех финно-угорских языках, где он имеется, находится в синонимичных отношениях с номинативом. Большинство исследователей предполагают, что конструкции с номинативом являются более древними, чем с генитивом [28, с.229]. Однако возможно, что уже в финно-угорский

или даже в уральский период определительные части притяжательных конструкций могли выражаться как именем в номинативе, так и именем в генитиве [1, с. 37]. При этом каждая из форм выполняла определенную функциональную задачу. Предполагается, что семантическое различие между присубстантивным номинативом и генитивом проявлялось в характере выражения посессивных отношений, в реализации ими виртуального или же актуализированного посессивного значения, содержащего разную степень определенности и конкретности. Номинативное определение в посессивных конструкциях указывало на неопределенного обладателя, генитив - на более конкретного, определенного (Э.Итконен, К.Конт, А.Лаанест, Ю.В.Андуганов и др.) [1, с.37; 18, с. 16; 32].

Наличие указанной семантической разницы между присубстантивным генитивом и номинативом отмечается и в современных финно-угорских языках. Так, например, В.М.Вахрушев [4, с.145] констатирует, что в удмуртском языке посессивные отношения в примыкаемых словосочетаниях характеризуются как неопределенно-конкретные, тогда как в генитивных конструкциях - как определенно-конкретные. Анализируя присубстантивный атрибут в прибалтийско-финских языках, А.Лаанест отмечает: "Если выступающий в качестве определения генитив обозначает обычно один какой-нибудь определенный предмет или живое существо, то номинатив выражает общее понятие, показывает вид или род главного слова. Например, в финском языке lohiostaja означает человека, занимающегося покупкой лососей, lohenostaja - покупателя одного известного лосося" [18, с.16]. Однако, если принять за основу точку зрения, согласно которой разделение имени на существительное и прилагательное происходило после распада финно-угорского праязыка [20, с.214], то следует предположить наличие широкого функционального диапазона присубстантивной номинативной формы имени. Возможно, в финно-угорский период номинатив выражал комплекс определительных, относительных и посессивных значений, которые сохранились во всех финно-угорских языках. Не исключено также, что он мог выражать не только неопределенно-конкретные посессивные отношения, как принято утверждать в финно-угорском языкознании, но и определенно-конкретные посессивные отношения. Данное предположение основывается на фактических данных некоторых финно-угорских языков. Так, в современных пермских и марийских языках распространено употребление номинативной формы имен собственных в качестве первого компонента посессивных конструкций. Ср. мр. Йыван вате 'жена Йывана', Кулмак еш 'семья Кулмака', Пикей жвата 'вещи, одежда Пикей' [1, с.26], удм. Макар ныл 'дочь Макара', Олексан вуко 'мельница Александра', Онтон кышно 'жена Антона' [4, с.134], Иван гöтыр 'жена Ивана', Кузьпелев керка 'дом Кузьпелева'. Неоформленная посессивная конструкция особенно характерна для угорских языков, ср. венг. Tisza-part 'берег Тисы',

Volga-könyök 'излучина Волги', мс. *mā* хаг 'поверхность земли', *juntəp-pur* 'ушко иглы', х. *tašəŋ joχ* хот-а 'в дом богатого народа', *t'at'i* рох 'сын Тяти' [28, с.293]. Следует отметить, что в угорских языках, так же как и в пермских языках, отсутствуют следы прафинно-угорского генитива, функцию которого взяли на себя другие падежи: в венгерском языке датив с суффиксом *-nak*, *-nék* в сочетании с посессивными суффиксами, в южно-хантыйском наречии инструменталь (суффикс *-nat*) в сочетании с посессивными суффиксами [22, с.281, 303-306, 384-385; 28, с.293]. Возможно, конструкции с номинативом имели более широкое распространение не только в угорских, пермских и марийском, но и в других финно-угорских языках. Подтверждением данного предположения могут быть топонимы, образованные от имен собственных и одушевленных существительных.

Топонимические исследования по финно-угорским языкам показывают, что значительный процент из числа всех микропонимов составляют те, которые образованы от антропонимов (имен, фамилий, отчеств, прозвищ). При этом в большинстве финно-угорских языков зафиксированы топонимы, образованные на базе номинативных конструкций, в которых первый компонент указывал на лицо, которому принадлежал тот или иной географический объект (луг, покос, поле, хутор и т.д.). Ср., кз. Ильяшор 'ручей Ильи' (Илья - личное имя + шор 'ручей'), Илья Вань Васька йör 'поле Васьки, сына Вани, внука Ильи' (Илья Вань Васька - личные имена + йör 'поле' [27, с.19], удм. Бисарн'ук 'овраг Бисара' (Бисар - древнеудмуртский антропоним + н'ук 'овраг, лог'), Агэй Иван н'ук 'лог Ивана, сына Агэя' (Агэй Иван - личные имена + н'ук 'лог, овраг' [9, с.152-159], мр. Йываесола 'селение Йывана', Осипсола 'селение Осипа' (Йыван, Осип - личные имена + сола 'селение с упорядоченной застройкой') [13, 14], мд. м. Армей веле 'село Армей' (Армей - дохристианское имя + веле 'село'), мд. э. Колазь веле 'село Колазя' (Колазь - языческое имя + веле 'село' [28, с.49-62, 7], кар. л. D'eusoï mägi (D'eusoï - личное имя + mägi 'гора, возвышенность') [19, с.117-118]. На синхронном уровне значение определенно-конкретной посессивности в приведенных микропонимических конструкциях в большинстве случаев не проявляется. Имена собственные в номинативе уже выступают в определительном значении и образуют вместе с апеллятивом микропоним. Однако в глубинной структуре номинативная словоформа сохраняет значение посессивности, что легко обнаруживается при диахронном анализе.

В связи с рассматриваемым вопросом можно также сопоставить образование сложных слов из субстантивных словосочетаний подчинительного типа. Исследования показывают, что в марийском и пермских языках они образуются на основе номинативного словосложения, в мордовских и прибалтийско-

финских языках - на основе номинативного и генитивного словосложения [2; 5; 6; 8; 15; 24; 25]. Однако в период прибалтийско-финского праязыка, видимо, преобладало еще номинативное словосложение, так как такой способ образования композит преобладал и в эстонском языке раннего периода [15, с.24]. Ср., мд. э. сельведь (сельме 'глаз' + ведь 'вода'), мр. шинчавид (шинча 'глаз' + вид 'вода'), удм. синву, кз. синва (син 'глаз' + удм. ву, кз. ва 'вода') 'слеза', мр. урвоч (ур 'белка' + поч 'хвост'), удм. коньбыж (коньы 'белка' + быж 'хвост'), кз. урббж (ур 'белка' + ббж 'хвост') 'хвош', мд. э. тулевск (туво 'свинья' + левкс 'детеныш') 'поросенок', мр. масканче (маска 'медведь' + иче 'детеныш'), кз. ошпи (ош 'медведь' + пи 'детеныш') 'медвежонок', эст. vesikruus (16-18 вв.), veekruus (20 в.) 'кружка для воды' (vesi - номинативная форма, vee - генитивная форма), verikoer (16-18 вв.), verekoer (20 в.) 'ищейка' (veri - номинативная форма, vere - генитивная форма), ф. silmälasit 'очки' (silmä 'глаза' + lasit 'стекло').

Основываясь на приведенном фактическом материале, можно предположить, что номинатив в финно-угорском праязыке употреблялся для выражения как неопределенно-, так и определенно-конкретных посессивных отношений. Возникновение генитива, видимо, было вызвано необходимостью некоторой функциональной разгрузки номинатива путем дифференциации оттенков посессивного значения.

Объясняя возникновение финно-угорских падежных суффиксов, П.Равила отмечал, что суффиксально оформленное слово всегда имело более самостоятельное и ясно подчеркнутое значение по сравнению с неоформленным именем, которое имеет тенденцию утрачивать свое индивидуальное значение и становится общим понятием [35, с.324]. Поэтому, имея более подчеркнутую семантику, генитив постепенно вытесняет номинатив в функции определенной принадлежности и становится доминирующим средством для ее реализации, а в дальнейшем посессивного значения вообще. Предполагаемый процесс функционального развития приименного генитива можно проследить на синхронном уровне в пермских языках, где генитивная форма относительно позднего происхождения. Так, в современном коми-зырянском языке приименный номинатив и генитив находятся в отношениях дополнительной дистрибуции, реализуя соответственно неподчеркнутую или же подчеркнутую определенно-конкретную принадлежность. Ср. представленные в предложениях Сійӧ... йӧткысис Петрик пыж бӧрся [Доронин, с.21] 'Он... оттолкнулся вслед за лодкой Петрика' и Петрик оз вӧлі чайт, мый Миколлӧн пыжыс кӧнкӧ тані матын...[Доронин, с.21] 'Петрик не предполагал, что лодка Миколы где-то здесь близко...' конструкции с номинативом и генитивом - Петрик пыж бӧрся и Миколлӧн пыжыс, которые содержат выражение идентичных отношений - указывают на

принадлежность предмета определенному конкретному лицу, выраженному именем собственным. Однако генитивная словоформа по сравнению с номинативной является более актуализированной.

СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ПРИСУБСТАНТИВНОГО ГЕНИТИВА В ФИННО-ПЕРМСКИХ ЯЗЫКАХ

Придерживаясь точки зрения, согласно которой первичным значением присубстантивного генитива было выражение посессивных отношений вообще, рассмотрим изменения, происшедшие в его семантической структуре в результате исторического развития. Для этого необходимо сопоставить конкретные значения, проявляемые генитивом в современных прибалтийско-финских, мордовских, марийском и пермских языках. Определение значения производится путем семантического обобщения отношений между существительным в генитиве и непосредственно распространяемым им словом. При анализе учитывается семантика обоих компонентов словосочетания.

Семантическая структура присубстантивного генитива прибалтийско-финских, мордовских, марийского и пермских языков содержит в основном комплекс посессивных и относительных значений, среди которых можно выделить следующие разновидности:

1. Принадлежность предмета лицу как личной собственности. Примеры: ф. isän talo, эст. isa maja, мр. ачан пöртшö, мд. э. тетянь кудо, удм. атайлэн коркаез, кз. батылөн керка 'дом отца', мр. Ильян пушыжо, мд. Ильянь венгезэ, удм. Ильялэн пыжез, кз. Иллялөн пыжыс 'лодка Ильи', эст. Vähemalt purjede poolest oli Matise vorgupaat praegugi veel üle ganpa 'Хотя бы из-за своих парусов рыбацья лодка Матиса еще и сейчас была лучшей на побережье [18, с.9], мр. Тул чыт орен, Йогорын сурт оралте гыч Кори Васиных, тушеч Савлиных ... тальшнен пиже 'Огонь совсем взбесился. От хозяйства Егора перешел на хозяйство Василия Кори, оттуда на жилище Савлия' [26, с.82], удм. Хирурглэн пуртэз скрипачлэн смычокез кадь ик луыны кулэ 'Нож хирурга должен быть как смычок скрипача' [4, с.146], кз. Кузьпелев Егорлөн овмöсыд абу дзoляник [Юхнин II, с.9] 'Хозяйство Егора Кузьпелева не маленькое'.

2. Принадлежность части целому. Можно выделить несколько разновидностей данного значения в зависимости от семантического содержания выделенной части от целого: а) принадлежность неотчуждаемая: ф. tytön silmä, эст. neiu silm, мр. ўдырын шинчаже, мд. э. тейтеренть сельмензэ, удм. ныллэн синмыз, кз. нывлөн синмыс 'глаза девушки', мр. Алешан вачыже, мд. э. Алешань лавтовозо, удм. Олешлэн пельпумыз, кз. Ольблөн пельпомыс 'плечо Алёши', эст. Hobuste ninasõõrmed purskavad nagu valget suitsu 'Ноздри лошадей выбрасывают как бы белый дым', ф. Tahtoi tamman kengättömiä takajalkoja vähän kaljamassa termäässä levettää 'неподкованные задние

ноги кобылы заскользили по слегка обледенелому пригорку' [18, с.8], мд. м. Степан Иванович люпштазе цёрань кяденц 'Степан Иванович пожал руку сына' [5, с.161], мр. Тудын (Алгаеван) лудо шинчаже писе, ушан ен ышла ончалеш 'глаза Алгаевой остры, смотрят так, как глаза умных людей' [25, с.64], удм. Секытэсь, мбзмылэс малпаньёс пумтэм бергало воргоронлэн йыраз 'Тяжелые, грустные мысли без конца приходят в голову мужчины' [4, с.147], кз. Люциялөн чужбмыс зумышмис [Куратова, с.71] 'Лицо Люции нахмурилось'; б) принадлежность отчуждаемая. Данное значение во всех рассматриваемых языках выражается преимущественно номинативом, например, мр. куз лышташ, мд. э. килей лопа, кз. кыз кор, удм. кызыпу куар 'березовый лист, лист березы', но возможно и генитивное употребление, например, ф. koivun lehti, эст. kase leht, мр. куэн лышташ, мд. э. килеень лопа, кз. кыз пулөн корйыс, удм. кызыпулэн куарыз 'лист березы', вод. ühs kert meni adrā terä tšivie адрә 'однажды лемех плуга попал под камень' [18, с.8], мд. э. Но сётэ плотинань основаниянт сави озавтомс витьстэ грунтонт лангс 'но тогда основание плотины придется прямо на грунт посадить' [5, с.161], удм. Кызёслэн но ныыпуослэн вайёссы лымылэн секытэзлы чидатэк някырскиллям 'Ветки елей и пихт, не выдержав тяжесть снега, согнулись' [4, с.149], кз. ... тайё небесной ошиньяс пыр тыдалсны кос кымборяслөн лестукьяс [Юхнин I, с. 36] '...сквозь эти небесные окна виднелись лоскутки узких облаков'.

3. Принадлежность по родственным, дружеским отношениям. Примеры: ф. äidin veli 'брат матери', ф. Annin tytär 'дочь Анни', мд. э. авань якаксо, мр. аван шольжо 'младший брат матери', удм. мумилэн братэз, кз. мамлөн вокыс 'брат матери', мд. э. Макаронь тейтерезо, мр. Макарын ўдыржб, удм. Макарлэн нылыз, кз. Макарлөн нылыс 'дочь Макара', кар. lähti sen heid'izen vell'i meččäh 'пошел брат этой девушки в лес', лив. Selli īž musta, räppi vol ka Mikil sōbra 'такой же грязный, неряшливый был и друг Микиля' [18, с.9], мд. м. Пресняковать аляц мрдась меки куду войнать аделамда меле ни 'Отец Пресняковой вернулся домой уже после окончания войны' [5, с.161], мр. Тиде Аркамбал Яшайын ўдыржб, авий 'это, мама, дочь Яшая из д. Аркамбал' [26, с.80], удм. Бадзым уrame вуэм бераз, Одотьлэн песьтаеныз, пересь Акмарен, пумиськиз Герей 'Как только дошел до большой улицы, Герей встретился с дедом Авдотьи, со старым Акмаром' [6, с.80], кз. Первой Василейлөн гётырыс вурис (дөрбмсб), сэсса Петырлөн, медбёрын Светлана [Коми..., с. 79] 'Вначале сшила (рубашку) жена Василия, потом Петра, последней Светлана'.

4. Принадлежность действия или результата действия субъекту действия. Примеры: ф. opettajan puhe, мд. э. учителень кортамо, мр. туныктышын кутыркальмыже, удм. дышетисьлэн валэктэмез, кз. учительлөн висьталом 'объяснение, рассказ учителя', ф. ketun jälki, эст. rebase jälg, мд. э. ривезень след, мр. рывыжын кыша, удм. зичылэн

пытъез, кз. ручлõн кок туйыс 'след лисы', ф. gunoiliijan guno, эст. luuletaja luuletus, мд. э. поэтэнь стихотворениязо, мр. поэтын почеламутшо, удм. поэтлэн кылбурез, кз. поэтлõн кывбур 'стихотворение поэта', эст. Lainete kohin oli juba eemalt kuulda 'Шум волн был слышен уже издалека', ф. Päivän tuloa odotellessaan rupesi Matti taas päreitä kiskomaan 'Ожидая наступления дня, Матти снова начал щепать лучину' [18, с.13], мд. э. Тилесэнь те шкас гайги эйдень авардемась 'В ушах до сих пор раздается плач ребенка' [5, с.162], удм. Дышетйсьлэн вераськемез Гереез чылкак паймытйз [6, с.81] 'Разговор учителя совсем удивил Герея', кз. Õдюклõн кывъясыс вõрзбõдсны и батьсõ [Юхнин II, с. 82] 'Слова Евдокии затронули и отца'.

5. Принадлежность признака или свойства его носителю: ф. karhun voima, эст. karu jõud, мд. э. овтонь вий, мр. максан вийже, кз. ошлõн вын, удм. гондырлэн кужыме 'сила медведя', ф. syksyn kauneus, мд. э. сёксень мазыги, мр. шыжын моторлыкшо, удм. сизыылэн чеберез, кз. арлõн мичлун 'красота осени', эст. Ja meie rahval on joon, mis käte andekuse pärast sageli unustab mõtete rumaluse 'И у нашего народа имеется черта: из-за талантливости рук нередко забывать глупость мыслей', лив. pitka äiga um läiska ruja pāva 'скука - болезнь ленивого' [18, с.12], мд. э. Ней уш паксясто вармась канды тикшень ды васень цесянь чине 'Теперь уж с поля ветер приносит запах травы и первых цветов' [5, с.162], удм. Куазылэн шулдырезлы шумпотыса, луд вылын тюргай жингыртэ 'Радуюсь красоте природы, на поле звенит жаворонок' [4, с.150], кз. Быдõнлы тõдса Иванлõн рамлуныс [Юхнин I, с.65] 'Всем известна кротость Ивана'.

6. Принадлежность лица к коллективу, учреждению, организации; включение его в их состав. В зависимости от лексического содержания компонентов конструкции можно выделить две разновидности данного значения: 1) указание на лицо, которому принадлежит определенный коллектив: ф. Virtasen työryhmä 'бригада Виртанена', мд. э. Иванонь бригадазо, мр. Ивановын бригадыже, удм. Ивановлэн бригадаез, кз. Ивановлõн бригада 'бригада Иванова', мд. э. Макаронь отрядзо, мр. Макарын отрядыже, удм. Макарлэн отрядэз, кз. Макарлõн отрядыс 'отряд Макара'; 2) указание на коллектив, организацию, которым принадлежит определенное лицо, подразделение: ф. ammattiliiton jäsen, эст. ametiühingu liige, мд. э. профсоюзонь ломань, мр. профушемын членже 'член профсоюза', ф. koulun johtaja, эст. kooli direktor, мд. э. школань прявт, мр. школын директоржо, удм. школалэн директорез 'директор школы', ф. kolhoosin johtaja, эст. kolhoosi juhataja, мд. э. колхозонь председатель, мр. колхозын председательжо, удм. колхозлэн председателез 'председатель колхоза'. В коми-зырянском языке отношения "коллектив - лицо" выражаются преимущественно относительными прилагательными с суффиксом -са: кз. профсоюзса член, школаса директор, колхозса председатель.

7. Отношение предмета по месту его расположения: ф. kaupungin kadu, эст. linna tänav, мр. олан уремже, мд. э. ошонь ульц, удм. городтэн урамеж 'улица города', ф. kaupungin puisto, эст. linnaaed, мд. э. ошень сад 'городской сад', ф. kylän nuoris, эст. küla noored, мд.э. велень од ломанть, мр. селан удыр-рвезышт 'молодежь села', эст. Nõnda ta ütles, et läheb siit Tagapere Pearu pärast minema 'так он сказал, что уедет отсюда совсем из-за Пеару (из) Тагапере', ф. Eikö se ole Korventaustan Matin tamma? 'разве это не кобыла Матти из Корветауста?' [18, с.10].

В коми языке данное значение реализуется в основном относительными прилагательными с суффиксом -са: сиктса том йоз 'сельская молодежь, молодежь села', карса улича 'городская улица, улица города'.

8. Отношение по содержанию, материалу. Данное значение всегда реализуется генитивом в эстонском и ливском языках, в других прибалтийско-финских языках, а также в мордовских и удмуртском возможно употребление генитива и номинатива. В коми и марийском языках употребляется только номинатив. Примеры: эст. liiva hunnik 'куча песка', leivatükk 'кусочек хлеба', лив. vied sipra 'капля воды' [18, с. 14], мд. э. ловонь пандо, (ср. мд. м. лов фаль), удм. лымышэн люкез (ср. лымы люк), ср. мр. лум курт, кз. лым тола 'сугроб снега', мд. э. тикшень куце, удм. турынэн зуродэз (ср. турын зурод), ср. мр. шудо каван, кз. турун зорбд 'стог снега'.

9. Отношение по времени. Значение проявляет генитив в мордовских и в некоторых прибалтийско-финских языках. Примеры: мд. м. шобдавань раса 'утренняя роса', мд. м. вень таколдама 'ночное волнение' [11, с.74], эст. Järgmisel hommikul ei pidanud tänase päeva sündmustest jälgegi järel olema 'К следующему утру не должно было остаться ни следа от происшествий сегодняшнего дня', ф. Siinä se oli ensi talven asunto 'там было это первое зимнее жилище' [18, с.11].

10. Объектные отношения. Значение проявляет генитив прибалтийско-финских и мордовских языков: эст. Kolhoosi sepp Jüri Piit vastas küsimusele niidumasinat remondist 'колхозный кузнец Юри Пийт ответил на вопрос о ремонте косилок', лив. ta ieneis sieda vannõ perimiest, kis sie niem miäi vol 'он заметил того старого хозяина, который продавал эту корову (был продавцом этой коровы)' [18, с.13], мд. э. ловсонь вешемась 'поиски молока' [12, с.5].

11. Отношения сопоставления (меры). Значение проявляет генитив мордовских и прибалтийско-финских языков, например, эст. lehm on õhse koru 'корова с лошадь высотой (высоты лошади)', ф. sormen vahvuus 'сильный как палец (силы пальца)', лив. lõja sürit 'величиной с лодку (величины лодки)' [18, с.12], мд. м. кочкамс беремань тарад 'собрать по охапке хворосту', пандомс траксонь питне 'уплатить коровью цену' [11, с.74].

12. Определительные отношения. Генитив данного типа выражает качественно-характеризующее значение. В зависимости от условий проявления данного значения можно выделить собственно определительный генитив и контекстуально определительный генитив. Под собственно определительным генитивом подразумеваем генитивные формы, обозначающие преимущественно различные видовые понятия по отношению к определяющему слову. Генитив данного типа отмечается в прибалтийско-финских языках, например, эст. Tallinna linn 'город Таллинн', ф. Turun kaupunki 'город Турку', эст. kuuse puu 'дерево ель', ф. suomen kielen opettaja 'учитель финского языка', komin kielen tottaja 'исследователь коми языка'. Однако в северной группе прибалтийско-финских языков в ряде случаев употребляются номинативные формы, например, ф. koivu puu 'дерево береза', кар. kadajatuvas 'куст можжевельника' [18, с.15].

В марийском, мордовских и пермских языках в словосочетаниях, содержащих родо-видовые понятия, употребляется номинативная форма, например, мд. э. Микунь ош, мр. Микунь ола, удм. Микунь город, кз. Микунь кар 'город Микунь'.

Контекстуально определительные генитивные формы - генитивные формы с первичным посессивным или же относительным значением, способные проявлять определительные отношения в определенных контекстах. Отмеченное значение теоретически могут проявлять генитивные формы всех финно-пермских языков. Примеры: ф. Talvi joutsnen takissa, halla hanhen siiven alla 'зима в одежде лебедя, изморозь под крылом у гуся', эст. naestel olid mütsid kui obuse kabjad 'у женщин были шапочки, как лошадиные копыта (букв. копыта лошади)' [18, с.18], мд. м. Вдь тяфта тонь лемце? - Тяфтавиздезь, бта шүфтонь кяльса отвечась Шестов. 'Ведь так твое имя? Так, стыдливо, словно деревянным языком отвечал Шестов'. Сенемгодсь вирсь, степсь, тустаись сенем горизонтсь, крайганза таргавсь инезинь полоса, бта вадезь якстерь краскаса 'Заволокло синей дымкой лес, степь, сгустилась синева горизонта, по его краю протянулась малиновая полоса, словно покрасили красной краской' [11, с.75].

В семантических структурах присубстантивного генитива финно-пермских языков общим и основным является выражение разновидностей посессивного значения. При этом отмечается употребление генитива преимущественно с одушевленными существительными, что особенно характерно для марийского и пермских языков. Некоторые исследователи предполагают, что противопоставление одушевленности/неодушевленности изначально существовало в падежных системах финно-угорских языков [31, с.374]. Более того маркирование присубстантивного имени суффиксом генитива еще в прауральском языке было обусловлено не только определенностью, но и одушевленностью референта [31, 32, 33]. Следовательно, функционально-дистрибутивные особенности праязыкового п-ового генитива лучше всего сохранились в марийском

языке. В мордовских и прибалтийско-финских языках произошла нейтрализация дистрибуции генитива в отношении одушевленности / неодушевленности референта. Именно вследствие этой синтаксической нейтрализации расширилась функциональная сфера генитива: он стал выражать относительные и определительные значения.

Общезвестно, что генитив пермских языков более позднего происхождения, однако его семантическая структура в каждом из родственных языков обнаруживает некоторые различия. Удмуртский генитив получил более широкое развитие, чем генитив коми языка: кроме посессивных значений, генитив удмуртского языка может реализовать также некоторые относительные значения, которые в коми языке выражаются относительными прилагательными или же номинативом. Ср., удм. турынэн зуродз (турын зурод) [4, с.151], кз. турун зорёд 'стог сена', удм. лымьэн локез (лымы лок) [4, с.151], кз. лым тола 'сугроб снега', Акагуртэн больницаз 'больница (деревни) Акагурта' [4, с.150], кз. Гамса больнича 'больница с. Гам'. Следует отметить, что в коми языке генитив имеет большую тенденцию употребляться с одушевленными существительными, чем в удмуртском языке, причем чаще с существительными, обозначающими лица. Это особенно характерно для генитива, выступающего в качестве одиночного определения. В удмуртском языке произошла частичная нейтрализация дистрибуции генитива в отношении одушевленности / неодушевленности референта. Следовательно, изменение в дистрибуции генитива: сочетаемость с одушевленными существительными → сочетаемость с одушевленными и неодушевленными существительными, вызывает изменения и в его семантической структуре. Общий процесс развития семантики генитивных атрибутов можно представить как выражение посессивности → относительности → качественности. И, видимо, теоретически можно допустить такое развитие присубстантивного генитива во всех финно-угорских, а также в самодийских языках. При этом не исключается возможность возникновения внутривидового противоречия между формой генитива и другой, ранее выражавшей подобное значение языковой единицей, то есть номинативом. Но являясь синонимами, они оба будут иметь основания для функционирования в грамматической системе языка. Определение общей тенденции функционально-семантического развития грамматической формы еще не предполагает об обязательной полной реализации данного процесса в каждом из языков. Примером чему может быть марийский язык, функционально-семантическая зона приименного генитива которого значительно отличается от таковой прибалтийско-финских и мордовских языков, хотя его формальный показатель также восходит к языковому генитиву *-п. Однако первоначальная ступень "посессивность → относительность" прослеживается в каждом из рассмотренных языков. Следует

отметить, что выражение посессивности и относительности характерно также для генитива самодийских языков [3, с.31-33].

Функционально-дистрибутивные изменения генитива обусловлены как внутривидовыми закономерностями развития языков, так и внеязыковыми факторами. Среди внутривидовых закономерностей выделяются прежде всего общие закономерности, управляющие развитием языка независимо от индивидуальных особенностей конкретного языка [23]. В число таких общих законов развития языка Е.Курилович включает тенденцию развития падежей от конкретных к грамматическим [16, с.433]. "Эволюция элементов, подобных падежу, такова: сначала они имеют только семантическую функцию, потом семантическую и синтаксическую, наконец - исключительно синтаксическую" [17, с.201]. Суффикс генитива постепенно освобождается от семантической значимости, превращаясь в чисто синтаксический показатель подчиненности одного имени другому.

На фоне общезыковых закономерностей нередко ведущую роль в развитии языкового элемента играют частные закономерности конкретного языка, отражающие его индивидуальные особенности. Среди сопоставляемых языков наиболее ярко проявляет свою индивидуальность генитив коми языка. Употребление суффикса генитива в коми языке обусловлено не только лексическими особенностями референта, но и грамматическими особенностями определяемого им слова. Нормой употребления генитивной словоформы является позиция перед грамматическим субъектом, тогда как номинативная словоформа встречается перед послеложными конструкциями и словоформами в косвенных падежах, а перед аккузативной словоформой выступает аблатив. Ср. Миколдён пыжыс вöлі нин ю шöрын 'Лодка Миколы была уже на середине реки', Микол пыжын 'в лодке Миколы', Микол пыж бöрся 'за лодкой Миколы', аддзим Миколысь пыжсö 'увидели лодку Миколы'. Возможно, что эти внутривидовые особенности коми языка были и в некоторой степени еще являются своеобразным препятствием для дальнейшего функционального развития генитива.

На расширение дистрибуции, а в дальнейшем, возможно, и семантики генитива могут оказывать влияние и экстралингвистические факторы, а именно: контактирующий язык в условиях билингвизма. Следует предположить влияние русского языка на грамматическую систему мордовских, марийского и пермских языков. Так, например, в современном коми языке под влиянием русского языка наблюдается расширение дистрибуции генитива и его употребление вместо номинатива.

Таким образом, развитие языкового элемента подчинено комплексу различных взаимовлияющих лингвистических и экстралингвистических факторов. Поэтому надо согласиться с В.Таули [36, с.284], что законы, управляющие структурным

изменением языков, являются неполными и можно говорить только о тенденциях с ограниченными возможностями их реализации, зависящими от конкретных условий. Однако нельзя отрицать необходимость определения возможных общих тенденций и причин развития грамматических форм, так как именно установление общих закономерностей позволит теоретически проследить функционально-дистрибутивные изменения праязыковых элементов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ представленного в работе материала позволяет сделать следующие выводы:

1) Первичным значением присубстантивного генитива было выражение подчеркнутых определенно-посессивных отношений. Его возникновение обусловлено полисемантизмом присубстантивного номинатива и необходимостью некоторой его функциональной разгрузки.

2) На синхронном уровне семантическая структура присубстантивного генитива в финно-пермских языках содержит комплекс посессивных и относительных значений, в мордовских и в некоторых прибалтийско-финских языках обнаруживает также определительные значения.

3) Общий процесс развития семантики генитивных атрибутов можно представить в виде следующей схемы: посессивность → относительность → качественность. Такое функциональное развитие присубстантивного генитива обусловлено общей тенденцией развития падежей от конкретных к грамматическим. Проявление типологического развития семантики генитива в каждом из языков зависит от его внутривидовых потребностей или же вызвано экстралингвистическими причинами.

4) Из числа рассмотренных языков наиболее развита семантика генитива прибалтийско-финских (особенно эстонского, ливского) и мордовских языков, охватывающая различные посессивные, относительные и определительные значения; генитив марийского и пермских языков реализует преимущественно посессивные значения, ограниченно проявляет также некоторые относительные значения.

DIE FUNKTIONELLE ENTWICKLUNG DES ATTRIBUT-GENITIVS IN DEN FINNISCH-PERMISCHEN SPRACHEN

Die Genitivform geht in den ostseefinnischen (fin. -n: kala-n 'des Fisches', weps. -n: nado-n 'der Schwägerin' u.s.w.), der marischen (-n, -in: ola-n 'der Stadt') und der mordwinischen (-n: kudo-n 'des Hauses') Sprachen auf den finnisch-ugrischen Genitiv auf *-n, in den permischen Sprachen (syrij. -len, wotj. len: nivlen, nillen 'des Mädchens, beim Mädchen') auf den urpermischen Adessiv mit dem Suffix *-len zurück.

Die allgemeine Tendenz ist die Entwicklung der Genitivbedeutung von der possessiven zur attributiven Bedeutung. Es geschieht die Annäherung der Funktion des Genitivs mit der des Attribut-Nominativs. In diesen Bedeutungen traten der Genitiv und der Nominativ in den Beziehungen der zusätzlichen Distribution auf. In der wissenschaftlichen Literatur wird festgestellt, daß der Genitiv in den verschiedenen Sprachen unterschiedliche Wege der funktionellen Entwicklung ging. Am meisten wurde der Genitiv in den ostseefinnischen und mordwinischen Sprachen, in denen neben den possessiven und relativen Bedeutungen der Genitiv auch die den attributiven nahen Bedeutungen ausdrücken kann, entwickelt. Z.B., est. Tallinna linn 'die Stadt Tallinn', liv. vied sippa 'Wassertropfen', mord. šobdavan rasa 'Morgentau'. Der Semantik nach sind die Genitive nah der marischen und wotjakischen Sprachen, die die possessiven und relativen Bedeutungen ausdrücken (mord. avan šovičšo 'ein Tuch der Mutter', wotj. gorodlen uramez 'die Straße der Stadt').

ЛИТЕРАТУРА

1. Андуганов Ю.В. Историческая грамматика марийского языка. Синтаксис. Ч. I. Введение. Субстантивные словосочетания. - Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 1991.
2. Андуганов Ю.В. Модели марийских существительных-комполит // *Fenno-ugristica*. Труды по финно-угроведению. - Тарту, 1975. Т. 1. -С.31-41. (Ученые записки / Тартуский гос. ун-т; Вып. 344).
3. Беккер Э.Г. Категория падежа в селькупском языке. - Томск, 1976.
4. Вахрушев В.М. Субстантивные словосочетания в удмуртском языке // *Словосочетания в удмуртском языке*. - Ижевск, 1980. -С.130-168.
5. Грамматика мордовских языков. Фонетика, графика, орфография, морфология. Учебник для национальных отделений вузов. - Саранск: Изд-во МГУ, 1980.
6. Грамматика современного удмуртского языка. Фонетика и морфология. - Ижевск, 1962.
7. Инжеватов И.К. Топонимический словарь Мордовской АССР. - Саранск: Мордкиз, 1987.
8. Келин М.А. Сложные слова в мордовских (мокшанском и эрзянском) языках: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - Саранск, 1967.
9. Кириллова Л.Е. Микропонимия бассейна Валы (в типологическом освещении). - Ижевск, 1992.
10. Кудав С.П. Дифференциация генитива и адъектива на -n' в мордовских языках // *Советское финно-угроведение*. - Таллинн. - 1985. - № 4. -С.247-253.
11. Кудав С.П. Лексико-грамматическая семантика генитива // *Проблемы мордовско-русского билингвизма*. - Саранск: Мордовское кн. изд-во, 1985. -С.67-77. (Труды Мордовского НИИ; Вып. 81).
12. Кудав С.П. Синтаксическая дистрибуция генитива имени существительного в мордовских литературных языках: Автореф. канд. дис. - Тарту, 1987.
13. Кузнецов В.В. Ойконимия бассейна р. Илеть Марийской АССР: Автореф. канд. дис. - Тарту, 1985.
14. Кузнецов В.В. Принципы номинации марийских ойконимов (бассейн р.Илеть) // *Вопросы марийской ономастики*. - Йошкар-Ола. - 1983. -Вып.4. -С.18-31.
15. Куль Р. Образование и развитие сложных существительных в эстонском литературном языке: Автореф. канд. дис. - Таллинн, 1967.
16. Курилович Е. О методах внутренней реконструкции // *Новое в лингвистике*. - М.: Прогресс, 1965. -Вып.4.

17. Курилович Е. Очерки по лингвистике. - М.: Иностранная лит-ра, 1962.
18. Лаанест А. Субстантивный атрибут в прибалтийско-финских языках: Автореф. канд. дис. -Таллин, 1959.
19. Мамонтова Н.Н. Структурно-семантические типы микротопонимии ливвиковского ареала Карельской АССР (Олонецкий район). - Петрозаводск: Карелия, 1982.
20. Основы финно-угорского языкознания: вопросы происхождения и развития финно-угорских языков. - М.: Наука, 1974.
21. Основы финно-угорского языкознания: прибалтийско-финские, саамские и мордовские языки. -М.: Наука, 1975.
22. Основы финно-угорского языкознания: марийский, пермские и угорские языки. - М.: Наука, 1976.
23. Серебrenников Б.А. Вероятностные обоснования в компаративистике. - М.: Наука, 1974.
24. Современный коми язык. Ч. I. Фонетика, лексика, морфология. - Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1955.-
25. Современный марийский язык. Морфология. -Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 1961.
26. Тужаров Г.М. Грамматические категории имени существительного в марийском языке. - Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 1987.
27. Туркин А.И. Топонимия Коми АССР (Лингвистический анализ): Автореф. докт. дис. - М., 1989.
28. Хайду П. Уральские языки и народы. - М.: Прогресс, 1985.
29. Цыганкин Д.В. Имя человека в географических названиях на карте Мордовской АССР // Вопросы финно-угорской ономастики. - Ижевск. - 1989. -С.44-63.
30. Farkas J. Die Genetiv und Akkusativ in der uralischen Grundsprache // UAJb. - Wiesbaden, 1956. - B. XXVIII. H. 1-2. -S.9-12.
31. Minn E. Contrast of Animate vs. Inanimate in the Fenno-Ugric Case Systems // Actes du xe Congres International des Linguistes, Bucharest 1967. - Bucharest, 1970. -Vol. 4. - P. 371-374.
32. The Category of the Adnominal Genitive in Cheremis // CSIFU. - Helsinki, 1968. - P. I. - P. 235-238.
33. Minn E. The Syntactic Distribution of the Cheremis Genitive // SUST. - Helsinki, 1966. -139.
34. Kont K. Substantiivide atributiivsest seosest soome-ugri keeltes // Eesti NSV Teaduste Akademia keele ja kirjanduse instituudi uurimised. - Tallinna, 1956. -I. -Lk. 105-126.
35. Ravila P. Suomalais-ugrilaisten taivutuksen historiaa // Virittäjä. Helsinki, 1945. - L. 314-326.
36. Tauli V. Structural tendencies in Uralic languages. London - The Hague - Paris, 1966.

СОКРАЩЕНИЯ

Языков и диалектов: венг. - венгерский, вод. - водский, вп. - вепский, кар. - карельский, карлив. - ливвиковский диалект карельского языка, кз. - коми-зырянский, лив. - ливский, мд.м. - мокша-мордовский, мд.э. - эрзя-мордовский, мр. - марийский, мс. - мансийский, удм. - удмуртский, ф. - финский, х. - хантыйский, эст. - эстонский.

Источников: Доронин - Доронин П. Парма съёлöмын. - Коми кн. изд-во, 1968; Коми - Коми мойдыс, съланкывъяс да пословицаяс. - Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1956; Куратова - Куратова Н. Бобöнянь кöр. - Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1983; Юхнин I - Юхнин В. Алöй лента. - Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1955; Юхнин II - Юхнин В. Диньельса вöрпункт. - Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1983.

Оглавление

Введение.....	5
Первичное значение присубстантивного генитива.....	5
Семантическая структура присубстантивного генитива в финно-пермских языках.....	9
Заключение.....	16
Die funktionelle Entwicklung des Attribut-Genitivs in den finnisch-permischen Sprachen.....	17
Литература.....	18
Сокращения.....	20

Для заміток

Для заметок

Татьяна Александровна Никитина

ОУНКИНОВА АЛЕКСАНДРА НИКИТА
ПЕНСКОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА
В ФИННО-ПЕРМСКИХ ЯЗЫКАХ

Пензенский государственный университет

Филологический факультет

Пензенский государственный университет

Филологический факультет

Филологический факультет

Филологический факультет

Ученый секретарь

Копия выдана

Иванов Иван Иванович

Галина Александровна Некрасова

**ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ
ПРИСУБСТАНТИВНОГО ГЕНИТИВА
В ФИННО-ПЕРМСКИХ ЯЗЫКАХ**

Редактор Т.В.Цветкова

Оператор Н.К.Забоева

Лицензия № 0015 от 27.12.93.

Компьютерный набор. Подписано в печать 29.06.95.

Формат 60 x 90 1/16. Бум. типографская № 1. Печать офсетная.

Усл.печ.л. 1,5. Уч.-изд.л. 1,0. Тираж 300. Заказ № 103

Участок оперативной полиграфии

Коми научного центра УрО РАН

167610, ГСП, г. Сыктывкар, ул. Первомайская, 48

